

Андианова Л.С.

Энеолитический памятник Устье Шолы-1 на Белом озере

Памятник Устье Шолы (Вологодская область) находится в северо-западной части Белого озера, расположенного в южной и наиболее глубокой части обширной Белозерской впадины, представляет собой остаточный озёрно-ледниковый водоём на окраинах Каспийского, Белого и Балтийского бассейнов (рис. 1). Белое озеро входит в десятку крупнейших озёр Европы и относится к числу наиболее крупных (четвёртое по величине) в Европейской части РФ. Его площадь 1125 кв.м, длина 43,6 км, ширина 32,8 км. Озеро отличается чрезвычайно простой округлой формой, малой изрезанностью береговой линии, небольшими глубинами, не превышающими 3–4,5 м. Берега озера в основном низкие, местами заболоченные. Несмотря на небольшие глубины, Белое озеро не зарастает водной растительностью, что обусловлено частыми штормовыми погодами и отсутствием защищённых участков. Озеро проточное – с северной стороны в него впадает самые крупные реки Ковжа и Кема, с южной вытекает (точнее вытекала) река Шексна – сейчас она превращена в Шекснинское водохранилище [1, с. 123–126].

Завершение реконструкции Волго-Балта в 1964 году имело значительные и далеко идущие последствия для Белого озера. Уровень воды поднялся почти на 2 м, началось заметное разрушение берегов, перемещение песчаных наносов, устья многих рек оказались замытыми [2, с. 216]. В северо-западной части озера, где были затоплены приустьевые долины рек Ковжи, её притока Шолы и Кемы образовался крупный залив с низкими, болотистыми берегами и многочисленными мелководными участками, поросшими тростой; кое-где сохранились небольшие участки коренных берегов в виде мелких островков. Один из таких островков – останец правого коренного берега р. Шолы в месте её впадения в р. Ковжу. В настоящее время остров известен под названием Шолопасть; раньше так именовалась протока между Кемой и Ковжей, выходившая прямо к устью Шолы. (рис. 2). В настоящее время уровень Белого озера, являющегося частью Волго-Балтийского водного пути, зарегулирован плотиной в посёлке Шексна. Нормальный проектный уровень водоёма, поддерживаемый на этом участке, составляет 113,1 м над уровнем Балтийского моря (до 1963 года уровень воды составлял 111,3 м); уровень озера практически не меняется в течение года.

Первое сообщение о разрушенной стоянке в затопленном устье реки Шолы поступило в 1990 году от В.К. Митрофанова; тогда же им собрана и передана на кафедру отечественной истории Вологодского государственного педагогического института небольшая коллекция из 30 предметов – костяные и кремнёвые наконечники, обломок

миниатюрного сосуда. На основании этих материалов Н.А. Макаровым было зафиксировано местонахождение Устье Шолы [3, с. 376]. С 2002 года мониторинговые наблюдения за состоянием памятника осуществляют Сухонско-Кубенская экспедиция; эпизодически ведутся сборы подъёмного материала (последний осмотр памятника проведён в 2014 г.).

Сохранившаяся часть стоянки Устье Шолы в настоящее время занимает территорию острова Шолопасть. Островок небольшой – 35x20 м, возвышается над поверхностью воды всего на 0,3–0,4 м и даже в период весеннего половодья водой не заливается. Со всех сторон остров окружён мелководными участками глубиной 0,2–0,5 м, которые простираются от берега на 60–80 м. Сам остров почти полностью зарос кустами, закрепившими почву. Многолетние наблюдения за стоянкой показали, что береговая линия острова за последние годы практически не изменилась. Вместе с тем идёт заметное увеличение донных отложений вокруг острова, которые замывают археологический инвентарь. В последние годы количество подъёмного материала заметно уменьшилось – если раньше находки встречались вокруг всего острова, то сейчас в основном вдоль северного и северо-восточного берега, где культурный слой продолжает активно разрушаться волнами со стороны Волго-Балта; в то же время на южной стороне острова находки практически отсутствуют.

По результатам тахеометрической съёмки, с учётом глубин вокруг острова, а также на основании распространения находок были определены размеры и примерные границы памятника. Стоянка располагалась на возвышенном правом берегу р. Шолы, напротив устья реки Пожбайки, левого притока Шолы. Протяжённость памятника вдоль Шолы составляла не менее 300-400 м; ширина, вероятно, достигала 80–100 м. На востоке стоянка могла доходить до р. Ковжи; естественной границей стоянки с западной и юго-западной стороны являлся ручей, на юго-востоке естественное понижение рельефа.

Основная часть находок относится к двум эпохам: неолиту и энеолиту. В то же время обнаружены немногочисленные материалы более поздних эпох: сетчатая керамика раннего железного века, шиферное пряслице, железный нож и наконечники и древнерусского времени; стоит также отметить, что в предыдущие годы изредка попадались кованые гвозди, осколки фарфоровой посуды, деревенская керамика – по воспоминаниям старожилов до затопления, на этом месте стояли два дома.

Для проведения работ на памятнике территория стоянки и прилегающая к ней водная акватория была разделена на 4 участка; границы участков представляют собой две прямые линии перпендикулярные друг другу, проходящие через центр острова, в направлении СЗ-ЮВ и СВ-ЮЗ. Сбор и фиксация находок производилась строго по

участкам. Большая часть находок залегает в воде в непосредственной близости от острова, поэтому для сбора подъёмного материала использовались небольшие сита. В ходе мониторинговых работ в 2014 году проведён осмотр дна по периметру острова на расстояние до 30–80 м. Найдены немногочисленные фрагменты ямочно-гребенчатой керамики, кремнёвые отщепы, и несколько неопределенных обломков костяных орудий.

В настоящее время коллекция со стоянки Усть Шолы включают более 4000 артефактов, среди которых керамика, изделия из кремня и сланца, шлифовальные плиты, костяные орудия, предметы искусства, украшения (в это число входят материалы, переданные учителем истории Новокемской ООШ В.К. Митрофановым из фондов школьного музея). Большая часть находок представлена многочисленными фрагментами ямочно-гребенчатой керамики, немногочисленной пористой и единичными обломками сетчатой керамики – всего 2040 предметов. Типологический анализ керамики позволил выделить не менее 6 культурных и хронологических комплексов, которые датируются от конца V до конца I тыс. до н.э. Неолитическая керамика представлена фрагментами типа позднего Тудозера-V, льяловской, каргопольской, редкоямочной, с овальной или ромбической ямкой (рис. 4: 1). Пористая керамика, довольно немногочисленная, менее 00 фрагментов; ранняя пористая керамика (поздний неолит–ранний энеолит), орнаментирована гребенчатым и гладким штампами, имеет в тесте минеральные добавки (рис. 4: 2). Вторую группу пористой керамики с Г-образным венчиком можно соотнести с поздней волосовской керамикой второй половины III тыс. до н.э (рис. 4: 3). Она имеет очень плохую сохранность и найдена исключительно в мелких обломках. Сетчатая керамика (00 экз.) предварительно датирована второй половиной I тыс. до н.э.

Коллекция включает около 100 каменных изделий, которые можно отнести к орудиям «для изготовления орудий»: отбойники из кварцита и песчаника, ретушёры, кварцитовые пилы, шлифовальные и полировальные камни с линейными и круговыми следами, шлифовальные плитки и бруски. Среди данной категории изделий встречены необычные экземпляры: круглая шлифовальная плитка из красноватого песчаника диаметром 15 см с круговыми следами на поверхности и небольшим заглублением, выбитым в центре (рис. 5: 1); подобные, но более широкие и глубокие по размерам выбоины сделаны на противоположных сторонах необработанной каменной гальки (рис. 5: 2). Функциональное назначение артефактов не до конца ясно; возможно и плитка и галька являлись элементами примитивного сверлильного устройства. Представляет интерес шлифовальная плитка, переоформленная в рубящее (?) орудие, возможно пешню. Следов сработанности на нём не выявлено, за исключением небольшого участка с яркой

заполировкой на широком конце изделия (рис. 5: 3). К редким находкам можно отнести артефакт, изготовленный на осколке шлифовальной плиты и предварительно интерпретированный как «выпрямитель древков стрел». Изделие представляет собой сланцевую плитку неправильной формы размерами 7,3x4x1,3 см с выработанным желобком (канавкой), проложенной по длинной оси через центр плитки; размеры канавки: 7,3x1,0x0,3 см. Аналогичные изделия неоднократно находили на Дону и в степном Заволжье, где они датируются эпохой бронзы [4, с. 131–140; 5].

В коллекции широко представлен сланцевый инвентарь – рубящие орудия, штампы, орнаментиры, стержни от составных крючков, кольца. На стоянке собрано 16 рубящих орудий – топоры, тёсла, долота (рис. 6) большинство из которых связаны с неолитическим временем. Имеются довольно ранние формы, например валиковые топоры, в том числе обработанные в технике пикетажа (рис. 6: 3). Небольшую серию из **10** предметов составили мелкие сланцевые орудия для деревообработки (рис. 7: 1–4) и сланцевые проколки (рис. 7: 5, 6). Для орнаментации сосудов применялись сланцевые гребенчатые штампы (рис. 7: 7–11) и сланцевые орнаментиры в виде стержней с подработанным окончанием для нанесения овальных и ромбических ямок (рис. 7: 12–14.). Из культуроопределяющих орудий особый интерес представляет значительная коллекция двусторонне обработанных наконечников стрел и дротиков (**00**) изделий, большинство из которых можно датировать неолитическим временем. Наконечники стрел в основном имеют листовидную, реже подромбическую форму и стандартные размеры: длина 2,5–4 см при ширине 0,8–1,5 см (наиболее крупный экземпляр – 5,6 см в длину, самый короткий наконечник – 1,9 см). Более разнообразна группа наконечников стрел энеолитического времени – наконечники с вытянутым черешком, иволистные, ромбические, небольшие треугольные наконечники с прямым или вогнутым основанием; **33** изделия предварительно отнесены к заготовкам наконечников. Наконечники дротиков не столь многочисленны – 29 экз. и сохранились преимущественно в обломках; длина дротиков варьируется от 6 до 10 см, ширина от 2,5–4 см; единственный целый дротик размерами 6,2x3,1 см получил повреждения в процессе его изготовления и в дальнейшем не использовался.

Наиболее многочисленная категория кремнёвых орудий – разнообразные скребки (**11** экз.), изготовленные на отщепах (294 экз.), реже на пластинчатых отщепах (129 экз.); скребки на пластинах единичны (12 экз.). Самые многочисленные скребки имеют прямоугольную (160 экз.) или трапециевидную форму (87 экз.); остальные подтреугольной (34 экз.), овальной (35 экз.) и подквадратной (41 экз.) формы. 63 скребка сохранились в обломках. По расположению рабочего лезвия скребки можно разделить на

смежные или угловые (109 экз.); боковые (с ретушью по одной стороне – 106 экз.); скребки с ретушью на $\frac{3}{4}$ периметра орудия (характерны для скребков трапециевидной и прямоугольной форм – 83 экз.), концевые (с ретушью на конце заготовки – 73 экз.) двойные (ретушь на противоположных краях заготовки – 28 экз.), скребки с ретушью по всему периметру заготовки (характерна для прямоугольных и овальных по форме скребков – 18 экз.). Небольшой серией представлены остроконечные скребки (4 экз.), скребки с высокой спинкой, с подтёсанным брюшком и ретушированной спинкой (по 2 экз.). Остальные орудия представлены перфораторами (8 экз.), скобелями (24 экз.), крупными пластинами с ретушью (147 экз.), пилками, ножами, ложкарями, а также разнообразными неопределимыми обломками. Следует отметить, что большинство кремнёвых изделий расчленить хронологически достаточно сложно, а чаще всего просто невозможно. Исключение составляют изделия с полностью ретушированной спинкой, которые обычно происходят с энеолитических памятников. Трасологическое изучение отдельных находок, проведённое Н.Б. Васильевой позволили зафиксировать чёткие следы, связанные с функциональным назначением некоторых орудий: резец по кости, скребок, микроскобель, проколка (рис.).

В материалах стоянки присутствует значительное количество обломков и заготовок бифасиальных орудий. На некоторых отчётливо прослеживаются следы тепловой подготовки кремня к расщеплению – сохранились участки матовой преповерхности рядом с негативами с характерным маслянистым блеском, которые были сформированы снятиями после проведенной процедуры тепловой подготовки. Подобная технология изготовления бифасов чаще встречается на энеолитических памятниках.

Представляет интерес находка ещё одного орудия неясного функционального назначения – массивное изделие с ручкой и расширенной лопастью – так называемая «мотыга», но трасологический анализ выявил следы утилизации только на одном участке – на боковой стороне лопасти, где край орудия был заметно скруглён в результате воздействия трением на какой-то мягкий материал (рис. 00).

Особенностью стоянки Устье Шолы является неплохая сохранность органических материалов, прежде всего, кости. Большинство костяных изделий найдено в обломках, которые не всегда можно атрибутировать, но 25 изделий сохранились достаточно хорошо, среди них орудия рыбной ловли, которые представлены рыболовными крючками, гарпунами и зубчатыми остриями (рис.). Интересен гарпун, переоформленный после повреждения в орудие для плетения сетей (?) (рис.). Среди костяных орудий имеются кинжалы (рис.), наконечники стрел (рис.), проколки (рис.), кочедык (рис.) и пешня из массивной кости. К предметам, связанным с охотой можно отнести три изделия,

сделанные из трубчатых костей птиц, с небольшими отверстиями, предварительно интерпретированные как охотничьи манки (рис.).

Одна из особенностей стоянки Устье Шолы – большое количество артефактов, которые можно атрибутировать как предметы искусства (00 экз.): сланцевые и костяные подвески, сланцевые кольца, янтарная пуговица, фигурный кремень, кремнёвые или глиняные фигурки, костяные пластинки с орнаментом. Все сланцевые кольца (8 экз.) обнаружены в обломках; большинство колец имеет уплощённое овальное или линзовидное сечение, что указывает на поздний период их бытования – примерно вторая половина IV тыс. до н. э.; два обломка имеют более архаичный облик: у них прямоугольные сечения, а по внешнему краю одного из колец сделаны насечки. Подобные изделия обычно связывают с неолитическим временем [6, с. 21–22]. Для изготовления подвесок использовались либо небольшие плоские сланцевые диски овальной или округлой формы (8 экз.), либо кости животных. Костяные подвески (21 экз.) различаются размерами, конфигурацией изделий (овальные, квадратные, удлинённые, прямоугольные) и формой крепления: на пяти изделиях сделана кольцевая выемка, на 11 подвесках – сквозные отверстия, на остальных способ крепления проследить не удалось. Для изготовления подвесок использовались резцы бобра, трубчатые кости птиц, челюсти животных из семейства куриных, клыки куницы (определение костей сделано А.А. Шабуновым, доцентом кафедры зоологии ВГПУ, кандидатом биологических наук). Среди костяных изделий, присутствуют артефакты, которые были интерпретированы, как предметы искусства: фрагменты пластинок с орнаментом, резцы бобра с зубчатыми краями (подвески или штампы?) наконечник стрелы с гравировкой в виде косой решётки. К предметам искусства можно отнести обломки глиняных фигурок (7 экз.), предположительно уточек (сохранились хвостики и туловища); подобные изделия характерны для племён с ямочно-гребенчатой керамикой. Ещё восемь изделий, интерпретированных как предметы искусства, скорее всего, связаны с волосовской культурой – это так называемый фигурный кремень, который представлен антропоморфной, зооморфной и орнитоморфной фигурками; остальные пять можно отнести к символическим фигуркам – их обычно отличает определённая форма, чаще в виде «слонницы», тщательность обработки, отсутствие следов утилизации. На одной из символических фигурок выделена головка, возможно для привязывания, во всяком случае, прослежены следы затёртости (от шнурка?). Антропоморфная фигурка сделана на отщепе светлого кремня, лишь слегка подработанного по контуру с одной стороны; фигурка довольно схематична, руки и ноги показаны небольшими треугольными выступами, голова прямоугольным выступом. Орнитоморфная фигурка из жёлтого кремня, тщательно

обработана ретушью со всех сторон. По всей видимости, она изображает птицу с высоко поднятой головой и приподнятым хвостом (глухарь?). Зооморфная фигурка выполнена из красноватого полосчатого кремня с обработкой всей поверхности ретушью; хорошо проработана голова и лапы животного, с одной стороны, где вероятно был хвост, фигурка повреждена. Возможно, это изображение бобра, который, судя по многочисленным костным остаткам, был одним из основных охотничьих объектов обитателей стоянки. Особый интерес представляет единственное янтарное изделие хорошей сохранности, так называемая «пуговица», сделанная из янтаря красноватого цвета; пуговица имеет линзовидную форму и V-образное сверление, её диаметр 20 мм (рис.).

Коллекции археологического материала со стоянки Устье Шолы свидетельствуют о многокомплексном характере памятника. Основная часть находок (ямочно-гребенчатая керамика, сланцевые изделия, предметы искусства, кремнёвые орудия) связана с развитым и поздним неолитом. Выразительными сериями представлены артефакты энеолитического времени (пористая керамика, кремнёвые фигурки, наконечники, изделия с ретушированной спинкой). В тоже время большую часть каменного и костяного инвентаря достаточно сложно расчленить на культурно-хронологические комплексы, поскольку большинство предметов из орудийного набора могли бытовать без особых изменений на протяжении длительного времени. Основная часть археологического инвентаря со стоянки Устье Шолы имеет широкие аналоги на обширной территории (Карелия, Южное Прионежье, Верхняя Сухона, Волго-Окское междуречье) и в различных культурах нео-энеолитического времени. Немногочисленные находки IX–XIII вв. свидетельствуют о существовании в устье реки Шолы небольшого древнерусского поселения. В целом, значительная и разнообразная коллекция подъёмного материала со стоянки Устье Шолы (Шолопасть) указывает на успешное освоение Северо-Западного Белозерья в период климатического оптимума. Представительные коллекции подъёмного материала свидетельствуют о существовании крупного нео-энеолитического поселения на данной территории, которое в течение длительного времени могло являться центром округи. Во всяком случае, в настоящее время на территории Северо-Западного Белозерья неизвестно ни одного аналогичного памятника. Немногочисленные разрушенные стоянки по берегам рек Шолы, Ковжи и Кемы и их притоков, дают довольно скучный археологический материал. Следует отметить и малочисленность в этом регионе материалов эпохи бронзы и раннего железного века, что, по всей видимости, связано с постепенным ухудшением природных и климатических условий и, как следствие, запустением территории Белозерья.

Литература:

1. Филенко Р.А. Воды Вологодской области. Издательство Ленинградского университета, 1966.
2. Гусаков Б.Л., Дружинин Г.В. Белое озеро. Ленинград, 1983
3. Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П. Средневековое расселение на Белом озере. Москва, 2001. С. 376
4. Юдин А.И., Лопатин В.А. Погребение мастера эпохи бронзы в степном Заволжье // СА. 1989. №3. - С.131 - 140
5. Смирнов Ю. А. Отчет о работах Багаевского отряда Донской экспедиции в 1977 г.- Архив ИА АН СССР, Р-1, № 7317, 7317 а - б.).
6. Жульников А.М. О технологии производства колец из сланца в неолите Северной Европы // Археология Севера. Вып. 4. Череповец, 2012.